УДК 343.24
DOI: 10.17223/22253513/31/9

Т.Ф. Минязева, Д.А. Добряков

ИНЫЕ МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ

Проводится сравнительно-правовой анализ положений законодательства Российской Федерации и Республики Корея об иных мерах уголовно-правового характера, анализируются особенности нормативной регламентации некоторых из них (а именно мер, закрепленных в качестве «иных» в УК РФ, и соответствующих им южнокорейских аналогов), а также их соотношение с наказанием.
Ключевые слова: *уголовная ответственность, наказание, иные меры уголовно-правового характера.*

Совершение преступления влечет уголовную ответственность виновного лица, выражающуюся в одной из двух форм. Первой и основной формой является наказание, предусмотренное в санкции соответствующей статьи Особенной части уголовного закона. В качестве второй формы уголовной ответственности, что следует, в частности, из ч. 2 ст. 2 УК РФ, законодатель установил иные меры уголовно-правового характера.

В российском уголовном праве наказание представляет собой основанный на нормативном определении уголовно-правовой институт, определяемый как назначаемая по приговору суда мера государственного принуждения, состоящая в лишении или ограничении прав и свобод лица, признанного виновным в совершении преступления (ч. 1 ст. 43 УК РФ). В целом приведенное определение подходит и к иным мерам уголовно-правового характера (за исключением принудительных мер медицинского характера, поскольку в случае этой меры преступление формально имеет место далеко не всегда, о чем будет сказано далее), поскольку оно не содержит два других признака, свойственных только наказанию, – закрепление в санкции Особенной части УК РФ и состояние судимости после отбытия.

Южнокорейское уголовное законодательство (в первую очередь Уголовный кодекс Республики Корея; далее – УК РК) не содержит понятия наказания, как и не закрепляет большинство других понятий, вполне обычных для УК РФ. Также здесь нет и какого-либо упоминания об иных мерах уголовно-правового характера, а законодатель ограничивается лишь закреплением в отдельной статье закрытого перечня видов наказаний (ст. 41 УК РК), чем обособляет их от остальных уголовно-правовых последствий преступления, эти виды наказания могут быть выделены по аналогии с российскими иными мерами уголовно-правового характера в результате сравнительно-правового анализа соответствующих положений УК РК и других нормативных правовых актов.

Категория «иные меры уголовно-правового характера» весьма пространна, поскольку к ней может быть отнесено все, что не определено законодателем как вид наказания (и, следовательно, не имеет «карательного» содержания [1. С. 12–13; 2. С. 33]), начиная с мер, прямо названных российским законодателем «иными» в разд. VI УК РФ, и заканчивая условным осуждением и, например, принудительными мерами воспитательного воздействия, применяемыми к несовершеннолетним вместо наказания.

В совокупности наказание и иные меры уголовно-правового характера могут быть названы мерами уголовно-правового характера, которые представляют собой установленные в общих положениях законодательства (в Общей части уголовного закона и специальных законах – в случае некоторых южнокорейских мер) меры государственного принуждения, назначаемые судом лицам, признанным виновными в совершении инкриминируемых им деяний либо в связи с совершенными деяниями (в случае назначения принудительных мер медицинского характера), и выражающиеся в лишении или ограничении прав и свобод этих лиц. В свою очередь, под иными, отличными от наказания мерами уголовно-правового характера следует понимать те меры, которые не содержатся в санкциях статей Особенной части уголовного закона и не влекут судимости. При этом важно, что российский и южнокорейский законодатели по-разному определили статус некоторых мер уголовно-правового характера.

Так, если УК РФ закрепляет основные положения о принудительных мерах медицинского характера и прямо относит их к числу «иных» мер, то южнокорейский уголовный кодекс не содержит упоминания о таких мерах вовсе, хотя в массив уголовного законодательства Республики Корея может быть включен специальный закон (치료감호 등에 관한 법률 (시행 2018.6.13.) 법률 제15160호, 2017.12.12., 일부개정[1]), посвященный медицинскому лечению лиц, совершивших преступления в состоянии психического расстройства (심신장애 상태, что может быть условно переведено как «невменяемость»), который основывается на ч. 1 ст. 10 УК РК, где указывается на невозможность назначения лицу наказания, если это лицо не отдает себе отчет в своих действиях и не может их контролировать. Различным образом в законодательстве рассматриваемых стран регламентируется также и конфискация имущества, являющаяся по УК РФ иной мерой уголовно-правового характера, а по УК РК – видом наказания, имеющим, однако, много общего с соответствующей российской «иной» мерой.

Определение иных мер уголовно-правового характера в УК РФ отсутствует, они лишь упоминаются в тексте закона как последствие совершения преступления наравне с наказанием (ч. 2 ст. 2 УК РФ) и, на наш взгляд, частично перечисляются в разд. VI УК РФ. Так, к иным мерам уголовно-правового характера российский законодатель прямо отнес принудительные меры медицинского характера (гл. 15 УК РФ), конфискацию имущества

[1] Закон о медицинском лечении и надзоре (действ. с 13.06.2018), в ред. закона № 15160 от 12.12.2017.

(гл. 15^1 УК РФ) и судебный штраф (гл. 15^2 УК РФ). Интересно, что в первоначальной редакции (вплоть до 29.03.2006) законодатель выделял лишь принудительные меры медицинского характера, которым был посвящен весь тогда одноименный разд. VI УК РФ, без нормативного отнесения их к числу иных мер уголовно-правового характера. В этой связи перечень названых мер не имел определенных рамок и мог (хотя в доктрине и сейчас может) включать в себя также многие другие, не относящиеся к числу наказаний, последствия преступления (например, условное осуждение, отсрочка отбывания наказания и принудительные меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним вместо наказания), которые являются самостоятельными формами выражения принципа неотвратимости претерпевания лицом принудительных лишений и ограничений в связи с совершением деяний, запрещенных Особенной частью УК РФ. Однако далее будут рассматриваться только те меры, которые прямо отнесены к числу иных мер уголовно-правового характера российским законодателем.

В южнокорейском уголовном законодательстве иные меры уголовно-правового характера как некая совокупность не упоминаются. При анализе УК РК и специальных уголовных законов к числу таких мер можно отнести медицинское лечение, применяемое по отношению к лицам, совершившим преступления в состоянии психического расстройства, а также заключение в работный дом (노역장유치) и привлечение к общественно полезным работам (사회봉사). Кроме того, южнокорейское уголовное законодательство знает институт условного осуждения (пробации) и некоторые другие отличные от наказания принудительные меры (например, обязательное посещение курса лекций, гл. 4 УК РК), которые могут быть отнесены к числу иных мер уголовно-правового характера, но эти меры, как и в случае с их российскими аналогами, в данной статье рассматриваться не будут.

Первой мерой уголовно-правового характера, прямо отнесенной российским законодателем к числу «иных» и закрепленной в УК РФ в изначальной редакции, являются принудительные меры медицинского характера. Данные меры назначаются судом лицам, страдающим психическими расстройствами и совершившим запрещенное уголовным законом общественно опасное деяние [3. С. 135]. При этом следует подчеркнуть, что речь здесь идет в первую очередь об общественно опасном деянии, а не о преступлении, поскольку субъект преступления и, следовательно, само преступление формально отсутствуют, если лицо совершило деяние в состоянии невменяемости (п. «а» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Однако возможность назначения принудительных мер медицинского характера шире – они назначаются не только названным лицам, но и лицам, у которых психическое расстройство наступило после совершения преступления и сделало назначение или исполнение наказания невозможным (п. «б» ч. 1 ст. 97 УК РФ). Кроме того, наряду с наказанием принудительные меры медицинского характера могут быть назначены лицам: совершившим преступление и

страдающим не исключающим вменяемости психическим расстройством; страдающим педофилией и совершившим преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, не достигшего 14-летнего возраста (пп. «в», «д» ч. 1 ст. 97 УК РФ, ч. 4 ст. 99 УК РФ). Целями применения рассматриваемых мер законодатель назвал излечение лиц или улучшение их психического состояния, а также предупреждение совершения ими новых запрещенных уголовным законом деяний (ст. 98 УК РФ).

Принципиальной особенностью принудительных мер медицинского характера, отличающей их от иных последствий преступления, является то обстоятельство, что выражающие их медицинские мероприятия не должны иметь карательного содержания и напрямую соотноситься с совершенным лицом общественно опасным деянием [4. С. 224]: в данном случае не возникает обычная для наказания корреляция между тяжестью совершенного деяния и строгостью ответственности, а лицо, к которому применяются принудительные меры медицинского характера, воспринимается как «больной», а не как «преступник». Следовательно, основной целью (что прямо отмечено в законе) является не привлечение лица к ответственности, а его излечение от психической болезни.

Содержание принудительных мер медицинского характера может состоять в наблюдении и лечении у врача-психиатра амбулаторно (п. «а» ч. 1 ст. 99 УК РФ), либо лечении в оказывающей психиатрическую помощь медицинской организации общего или специализированного типа (пп. «б», «в» ч. 1 ст. 99 УК РФ), в том числе с интенсивным наблюдением (п. «г» ч. 1 ст. 99 УК РФ).

В соответствии с Законом Республики Корея «О медицинском лечении и надзоре» медицинское лечение принудительно применяется к лицам, совершившим преступление (южнокорейский законодатель не разграничивает здесь преступление и общественно опасное деяние, используя термин «범죄행위», который может быть переведен как «преступление» или «преступное деяние») в состоянии психического расстройства либо страдающим от наркотической, алкогольной или иной зависимости (ст. 1, пп. 1, 2 ч. 1 ст. 2) в целях их излечения и для содействия их возвращению в общество (ст.ст. 1, 25).

Также данные меры применяются к лицам, имеющим психосексуальное расстройство, как то склонность к педофилии и садизму (п. 3 ч. 1 ст. 2 Закона Республики Корея «О медицинском лечении и надзоре»). Преступления, связанные с психосексуальным расстройством лица, законодатель перечисляет отдельно и относит к ним изнасилование (ст. 297 УК РК) и большую часть других деяний, сопряженных с посягательством на половую неприкосновенность (в частности, сюда относится такое «экзотическое» преступление, как изнасилование в ходе совершения пиратского нападения (ч. 3 ст. 340 УК РК)).

В отличие от российских мер, южнокорейское принудительное медицинское лечение применяется к лицам в течение определенного законом срока, а не до полного выздоровления (которое может и не наступить). Так,

лица, совершившие преступление в состоянии психического расстройства (в том числе и психосексуального), могут подвергаться принудительному лечению в лечебных центрах заключения (치료감호소) или государственных психиатрических лечебных учреждениях (в которых возможно обеспечение изоляции лиц; ч. 1 ст. 16-2 Закона Республики Корея «О медицинском лечении и надзоре») в течение не более 15 лет, а лица, страдающие от наркомании или иной зависимости, – не более двух лет (ч. 2 ст. 16 Закона Республики Корея «О медицинском лечении и надзоре»). Впрочем, в отдельных случаях (в частности, при совершении преступлений, связанных с причинением смерти потерпевшему) срок лечения может быть продлен, но не более трех раз и каждый раз не более чем на два года (ч. 3 ст. 16 Закона Республики Корея «О медицинском лечении и надзоре»). После истечения срока принудительного лечения лицо регистрируется в центре обеспечения психического здоровья (정신건강복지센터) для получения дальнейших консультаций, прохождения обследований и лечения в случае необходимости (ст. 36-2 Закона Республики Корея «О медицинском лечении и надзоре»).

Далее рассмотрим конфискацию имущества, которая, как уже отмечалось, имеет в Российской Федерации и Республике Корея различный законодательно определенный статус.

Напомним, что до декабря 2003 г. в Российской Федерации конфискация имущества была одним из видов дополнительных наказаний и определялась в законе как принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного (п. «ж» ст. 44, ч. 3 ст. 45, ч. 1 ст. 52 УК РФ в ред. до 08.12.2003). Конфискация имущества устанавливалась за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и могла назначаться только в случаях, прямо предусмотренных в статьях Особенной части УК РФ (ч. 2 ст. 52 УК РФ в ред. до 08.12.2003). Не являлось конфискацией имущества изъятие у осужденного орудий преступления, нажитых преступным путем ценностей, предметов, исключенных из гражданского оборота, и иных предметов, в отношении которых у осужденного нет и не может быть права собственности [5. С. 108–109].

В 2003 г. все положения о конфискации имущества в УК РФ были признаны утратившими силу (Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. № 162-ФЗ), однако уже в 2006 г. данная мера вернулась в закон, но уже в качестве иной меры уголовно-правового характера (Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ). При этом, как и прежде, конфискация имущества является принудительным безвозмездным изъятием имущества, которое обращается в собственность государства на основании обвинительного приговора суда (ч. 1 ст. 104^1 УК РФ). Перечень объектов конфискации включает в себя деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступлений, закрытый перечень которых содержится в п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ (насильственные преступления из корыстных побуждений, некоторые преступления в сфере экономической деятельности и пр.). В случае невозможности конфискации названного имущества

может быть взыскана денежная сумма, равная его стоимости (ч. 1 ст. 104^2 УК РФ).

Следует отметить, что в УК РФ содержится дискуссионное положение, согласно которому не может быть конфисковано подлежащее конфискации имущество, переданное осужденным другому лицу, если это лицо не знало и не должно было знать, что имущество получено в результате преступных действий, т.е. являлось добросовестным приобретателем (ч. 3 ст. 104^1 УК РФ). Это положение вступает в противоречие с нормами гражданского законодательства, в частности со ст. 302 ГК РФ, которая устанавливает, что собственник вправе истребовать у приобретателя имущество, возмездно приобретенное у лица, не имевшего права на его отчуждение, о чем приобретатель не знал и не мог знать, в случаях, когда имущество утеряно собственником или лицом, получившим имущество во владение, а равно похищено, либо было отторгнуто иным путем помимо их воли. Уголовно-правовая регламентация конфискации имущества закрепленный в ГК РФ порядок не допускает, что ухудшает положение лиц, пострадавших от совершения преступления, и затрудняет процесс восстановления нарушенных преступлением правоотношений [6. С. 25].

Отдельно в УК РФ оговаривается, что при назначении конфискации имущества в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении вреда, причиненного преступлением (ст. 104^3 УК РФ). Возмещение вреда осуществляется отдельно от конфискации (п. «а» ч. 1 ст. 104^1 УК РФ), однако при отсутствии иной возможности оно производится за счет конфискованного имущества, остаток которого обращается в доход государства (ч. 2 ст. 104^3 УК РФ). Таким образом, конфискация имущества направлена на изъятие орудий и средств совершения преступления и полученного в результате совершения преступления имущества, и во вторую очередь – на возмещение причиненного преступлением вреда.

Внимания заслуживает еще одна особенность регламентации конфискации имущества в российском законодательстве, которая может быть сочтена его недостатком. Данная мера уголовно-правового характера установлена за крайне малое число преступлений, хотя деньги, ценности и иное имущество могут быть получены в результате совершения множества преступлений, которые не указаны в положениях УК РФ, определяющих пределы назначения конфискации имущества (в этих положениях не упоминаются, например, все преступления против собственности и большинство преступлений в сфере экономической деятельности). В этой связи целесообразным представляется расширение соответствующего перечня или его полное упразднение, распространяющее возможность применения конфискации имущества на все преступления, запрещенные УК РФ [7. С. 84–85].

Отметим, что в доктрине уголовного права встречаются различные предложения по совершенствованию института конфискации имущества. Например, неоднозначность правовой природы конфискации имущества служит аргументом в пользу причисления данной меры к числу мер безопасности (как «имущественной меры криминологической безопасности»)

и введения данной категории, например, в специальном законе [8. С. 7] или даже полного исключения конфискации имущества из области уголовного права с отнесением к праву административному [9. С. 121]. Достаточно обоснованным видится тезис о необходимости восстановления конфискации имущества в статусе вида наказания, поскольку в своем нынешнем виде данная мера едва ли может быть эффективным средством противодействия преступности [10. С. 72]. Однако более целесообразным, по нашему мнению, все же следует признать расширение перечня преступлений, совершение которых может повлечь конфискацию имущества, а равно и расширение перечня объектов конфискации без изменения статуса этой меры.

В Республике Корея конфискация имущества является одним из видов наказания и сочтена законодателем наименее строгим из них. Данная мера состоит в изъятии имущества у осужденного или лица, получившего это имущество от осужденного и знавшего о его происхождении (ч. 1 ст. 48 УК РК). Согласно южнокорейскому уголовному законодательству изъяты могут быть только те объекты (товары; 물건), которые были: использованы для совершения преступления или предназначались для этой цели; произведены в результате совершения преступления; получены взамен предметов, использованных или предназначенных для совершения преступления, а равно и полученных в результате его совершения (пп. 1–3 ч. 1 ст. 48 УК РК). Если такие объекты не могут быть конфискованы, изъятию подлежит эквивалентная им денежная сумма (ч. 2 ст. 48 УК РК).

Достойной отдельного упоминания особенностью южнокорейской регламентации конфискации имущества является то обстоятельство, что данное наказание может быть применено в отношении подлежащего конфискации имущества даже до признания лица виновным и вынесения обвинительного приговора судом – достаточно лишь соблюдения обязательных условий конфискации (т.е. имущество должно обладать перечисленными выше признаками; ст. 49 УК РК). Подобный порядок представляется по меньшей мере неоднозначным, ведь наказание должно быть результатом осуждения, т.е. признания лица виновным в совершении преступления в рамках судебной процедуры.

Однако можно привести и несколько доводов в защиту подобного подхода южнокорейского законодателя к конфискации имущества, положения о которой в обилии содержатся как в УК РК, так и в специальных уголовных и прочих законах. До вынесения обвинительного приговора суда могут быть конфискованы те объекты, которые не должны находиться в свободном обороте или заведомо связаны с совершенным преступлением. Так, ст.ст. 135, 357 УК РК указывают, что конфискации подлежит полученная взятка, а равно деньги либо ценности, предназначенные для дачи взятки. В соответствии со ст. 206 УК РК конфискации подлежат находящиеся в незаконном обороте опиум, его производные и инструменты, используемые для потребления соответствующих наркотических веществ (ст.ст. 198–205 УК РК). Закон Республики Корея «О незаконном обороте наркотиков» (마약류 불법거래 방지에 관한 특례법 (시행 2017.3.30.) 법률 제

14116호, 2016.3.29., 타법개정[1]) распространяет конфискацию также на доход и приобретенное за его счет имущество, которые получены в результате совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков (ст. 13). Также похожие положения о конфискации содержатся и в других специальных уголовных законах (например, устанавливающих преступность и наказуемость в области государственной безопасности).

Таким образом, законодательная регламентация конфискации имущества в Республике Корея имеет двойственный характер. Данная мера здесь отнесена к числу наказаний, однако может применяться до вынесения приговора суда, что хотя и имеет обоснование (те же упомянутые наркотические средства a priori должны быть изъяты и уничтожены, поскольку их незаконность презюмируется и не нуждается в подтверждении судом), но существенно меняет положение конфискации в системе уголовной ответственности и едва ли позволяет считать ее именно наказанием. В этой связи некоторые южнокорейские авторы предлагают исключить конфискацию имущества из числа наказаний [11. С. 64, 94; 12. С. 112–113], как то уже имело место в Российской Федерации.

Следует отметить, что подобное предложение представителей южнокорейской доктрины исходит из признания целесообразности расширения практики применения конфискации имущества до вынесения обвинительного приговора суда, за счет чего предлагается обеспечить сохранность имущества (чтобы оно не могло быть продано или передано третьему лицу, что усложнило бы процедуру конфискации в дальнейшем), а также избежать ряда процессуальных затруднений (связанных, например, с последствиями смерти лица, совершившего преступление) [13. С. 182–183].

В заключение кратко рассмотрим меры, которые относятся к иным мерам уголовно-правового характера или могут быть отнесены к таковым по законодательству Российской Федерации или Республики Корея и являются уникальными для каждой из названных стран.

Так, в 2016 г. российский законодатель включил в УК РФ судебный штраф как новую иную меру уголовно-правового характера (Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 323-ФЗ). Данная мера представляет собой денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление небольшой или средней тяжести и возместившего ущерб или иным образом загладившего причиненный вред (ст. 76^2 УК РФ). Размер такого взыскания не может превышать половины максимального размера штрафа, предусмотренного в санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, либо 250 тыс. рублей, если штраф в санкции статьи не предусмотрен (ст.ст. 104^4, 104^5 УК РФ).

Обращает на себя внимание противоречивость судебного штрафа как своего рода откупа от наказания, ставящая под сомнение уголовно-правовой принцип равенства: ведь если для кого-то сумма судебного

[1] Закон о незаконном обороте наркотиков (действ. с 30.03.2017), в ред. закона № 14116 от 29.03.2016.

штрафа в установленном законом размере является приемлемой или даже незначительной, то для многих (если не большинства) она совершенно неприемлема. Закон в ст. 76^2 УК РФ содержит важную оговорку «впервые», дающую возможность назвать освобождение от уголовной ответственности с уплатой судебного штрафа своего рода «правом на ошибку» (если признать таковой совершение преступления небольшой или средней тяжести), позволяющим сократить число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и сталкивающихся со всеми сопутствующими этому негативными последствиями (негативными не только для самого виновного, но также для его близких и общества в целом – особенно если говорить о назначении наказания в виде лишения свободы). Но если такое «право» и является благом, можно ли счесть благом то, что право это предоставляет лишь достаточно высокий имущественный ценз?

В этой связи особенно интересны меры, предусмотренные в южнокорейском уголовном законодательстве в качестве замены штрафа. Так, если назначенный в приговоре суда в качестве основного наказания штраф не может быть уплачен полностью или частично, осужденный может быть заключен в работный дом (노역장유치), где будет пребывать до тех пор, пока не уплатит (отработает) всю сумму штрафа (срок такого заключения может составлять от одного дня до трех лет; ст. 69 УК РК). Кроме того, в 2009 г. был принят Закон Республики Корея «Об исполнении общественных работ осуждёнными, не уплатившими штраф» (벌금 미납자의 사회봉사 집행에 관한 특례법 (시행 2009.9.26.) 법률 제9523호, 2009.3.25., 제정[1]), устанавливающий альтернативу заключению в работном доме в виде общественно полезных работ (사회봉사), состоящих в неоплачиваемой работе в интересах общества, продолжительность и место выполнения которой определяются сотрудником службы пробации (보호관찰관; ч. 2 ст. 3).

Названные меры не являются видами наказания и могут быть применены к лицу только в порядке замены штрафа (УК РК не знает обычной для российского уголовного закона замены одного наказания другим в случае злостного уклонения от его исполнения). При этом они схожи с российским судебным штрафом в части противоречия с принципом равенства, поскольку, как и судебный штраф, подчеркивают имущественную дифференциацию ответственности, ведь очевидно, что более привлекательным для виновного является уплата штрафа, а не продолжительное заключение с отбыванием трудовой повинности в той или иной форме.

Литература

1. Шеслер А.В. К вопросу о карательном характере уголовного наказания // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XX междунар. науч.-практ. конф. Красноярск : Сиб. юрид. ин-т МВД России, 2017. С. 11–15.

[1] Закон об исполнении общественных работ осужденными, не уплатившими штраф (действ. с 26.09.2009), в ред. закона № 9523 от 05.03.2009.

2. Прозументов Л.М. Уголовная ответственность и стадии ее реализации // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 16-2. С. 32–34.

3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2015. 592 с.

4. Уголовно-правовое воздействие / под ред. А.И. Рарога. М. : Проспект, 2016. 288 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Ю.И. Скуратова, В.М. Лебедева. 2-е изд., изм. и доп. М. : Норма: ИНФРА-М, 1998. 832 с.

6. Векленко С.В., Карпов К.Н. Конфискация имущества: противоречия законодательства // Вестник ВИ МВД России. 2010. № 1. С. 20–26.

7. Пащенко Е.А. Конфискация имущества: реалии и ожидания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2015. № 4. С. 81–88.

8. Уткин В.А. Реформа системы уголовных наказаний как условие эффективности альтернативных санкций // Вестник Кузбасского института. 2011. № 1 (4). С. 6–8.

9. Пропостин А.А. Конфискация как имущественная мера криминологической безопасности // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 331. С. 119–122.

10. Сыч К.А., Курлаева О.В. Конфискация имущества как предмет уголовно-правового исследования // Уголовно-исполнительное право. 2013. № 1. С. 69–72.

11. 김혜경. 형법개정안상 공소제기 없는 몰수의 해석과 집행절차에 관한 연구 // 형사정책연구. 2015. 제26권, 제2호 (통권 제102호). 59–94면. [Ким Хве Кен. Толкование и исполнение конфискации имущества без обвинения в новой поправке к уголовному закону // Корейский криминологический обзор. 2015. № 26, т. 2 (102). С. 59–94].

12. 조균석. 범죄수익몰수제도의 문제점과 개선방안 // 인권과정의. 9월, 2011. 통권제420호. 112–127면. [Чжо Хё Сок. Конфискация доходов от преступления // Права человека. 2011. Т. 420, сентябрь. С. 112–127].

13. 정웅석. 유죄판결 없는 몰수제도 도입에 관한 연구 // 형사법의 신동향. 3월, 2015. 통권 제46호. 182–242면. [Чон Ун Сок. Исследование о введение конфискации имущества без обвинительного приговора суда // Новые тенденции уголовного права. 2015. Т. 46, март, С. 182–242].

Minyazeva Tatyana F., Dobryakov Denis A., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation)

OTHER MEASURES OF CRIMINAL CHARACTER IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KOREA

Keywords: criminal responsibility, punishment, other measures of a criminal-law nature.

DOI: 10.17223/22253513/31/9

A comparative legal study of the provisions of Russian and South Korean legislation on other measures of a criminal-law nature and an attempt is made to distinguish these measures and punishment on the basis of differences in their characteristics and content are made in the article. It is noted that the legislator in the Russian Federation and the Republic of Korea had different approach to the status of certain criminal legal measures (in particular, compulsory measures of medical nature and confiscation of property).

Penalties and other measures of a criminal-law nature are criminal-legal measures and have a number of common features. Firstly, such measures are set in the General Part of the criminal law and, in the case of South Korean medical compulsory measures (compulsory treatment) and some other measures, in special laws. Secondly, they are measures of state compulsion and consist of certain deprivations and restrictions. Thirdly, these measures shall be imposed by the court on persons found guilty of committing acts prohibited by criminal law. Punishment also has two features that are not pertain to other measures of a criminal-law

nature – it is set in the sanctions of the Special Part of the Criminal Law' articles and entails a specific legal consequence (criminal record).

Neither in Russian nor in South Korean legislation there is no definition of other measures of a criminal-law nature, as well as there is no closed list such measures. Russian legislator directly refers to other measures of a criminal-law nature compulsory measures of medical nature, confiscation of property and judicial fine, while others, which are «other» measures on all grounds (for example, probation), are considered in this context only in the doctrine of criminal law. The legislation of the Republic of Korea does not contain the term «other measures of a criminal-law nature» at all, and their conditional list, compiled in the result of an analysis of disparate norms of various laws, includes compulsory treatment, imprisonment in a workhouse and the performance of community service. Conditional sentence and some other measures may be included in this list also, however this article focuses on, first of all, comparison of Russian and South Korean legal provisions on the compulsory treatment of persons who committed an act forbidden by criminal law and the confiscation of property. In addition, the article examines the legislative regulation of the judicial fine, which was introduced in the Criminal Code in 2016 and has some specific similarities with the South Korean «other» measures used as a substitute for common fine. Other measures that may be considered as other measures of a criminal-law nature are mentioned in the research, but are not considered in detail.

References

1. Shesler, A.V. (2017) *K voprosu o karatel'nom kharaktere ugolovnogo nakazaniya* [On the punitive nature of criminal punishment]. In: *Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki* [Topical problems of combating crime: questions of theory and practice]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Law of the Ministry of Internal Affairs of Russia. pp. 11–15.

2. Prozumentov, L.M. (2018) Ugolovnaya otvetstvennost' i stadii ee realizatsii [Criminal liability and the stages of its implementation]. *Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami*. 16-2. pp. 32–34.

3. Esakov, G.A. (ed.) (2015) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 6th ed. Moscow: Prospekt.

4. Rarog, A.I. (ed.) (2016) *Ugolovno-pravovoe vozdeystvie* [Criminal and Legal Impact]. Moscow: Prospekt.

5. Skuratov, Yu.I. & Lebedev, V.M. (eds) (1998) *Kommentariy k Ugolovnomu kodeksu Rossiyskoy Federatsii* [Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow: Norma: INFRA-M.

6. Veklenko, S.V. & Karpov, K.N. (2010) Konfiskatsiya imushchestva: protivorechiya zakonodatel'stva [Property confiscation: contradictions of the legislation]. *Vestnik VI MVD Rossii*. 1. pp. 20–26.

7. Pashchenko, E.A. (2015) The confiscation of property: reality and waiting. *Severo-Kavkazskiy yuridicheskiy vestnik – North Caucasus Legal Vestnik*. 4. pp. 81–88. (In Russian).

8. Utkin, V.A. (2011) Reforma sistemy ugolovnykh nakazaniy kak uslovie effektivnosti al'ternativnykh sanktsiy [Reform of criminal penalties as a condition for the effectiveness of alternative sanctions]. *Vestnik Kuzbasskogo institute – Bulletin of Kuzbass Institute.* 1(4). pp. 6–8.

9. Propostin, A.A. (2010) Confiscation as a property measure of criminological security. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 331. pp. 119–122. (In Russian).

10. Sych, K.A. & Kurlaeva, O.V. (2013) Konfiskatsiya imushchestva kak predmet ugolovno-pravovogo issledovaniya [Confiscation of property as a subject of criminal law research]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo – Penal Law*. 1. pp. 69–72.

11. Kim Hwe Ken. (2015) Tolkovanie i ispolnenie konfiskatsii imushchestva bez obvineniya v novoy popravke k ugolovnomu zakonu [Interpretation and enforcement of confiscation of property without a charge of a new amendment to the criminal law]. *Koreyskiy kriminologicheskiy obzor*. 26(2). pp. 59–94. (In Korean).

12. Kyaw Hye Sok. (2011) Konfiskatsiya dokhodov ot prestupleniya [Confiscation of the proceeds of crime]. *Prava cheloveka*. 420. pp. 112–127. (In Korean).

13. Jeon Un Sek. (2015) Issledovanie o vvedenie konfiskatsii imushchestva bez obvinitel'nogo prigovora suda [Study on the introduction of confiscation of property without a conviction of the court]. *Novye tendentsii ugolovnogo prava*. 46. pp. 182–242. (In Korean).